

ВСПОМИНАЕТ ЭДВАРД КАРР (EDWARD CARR)

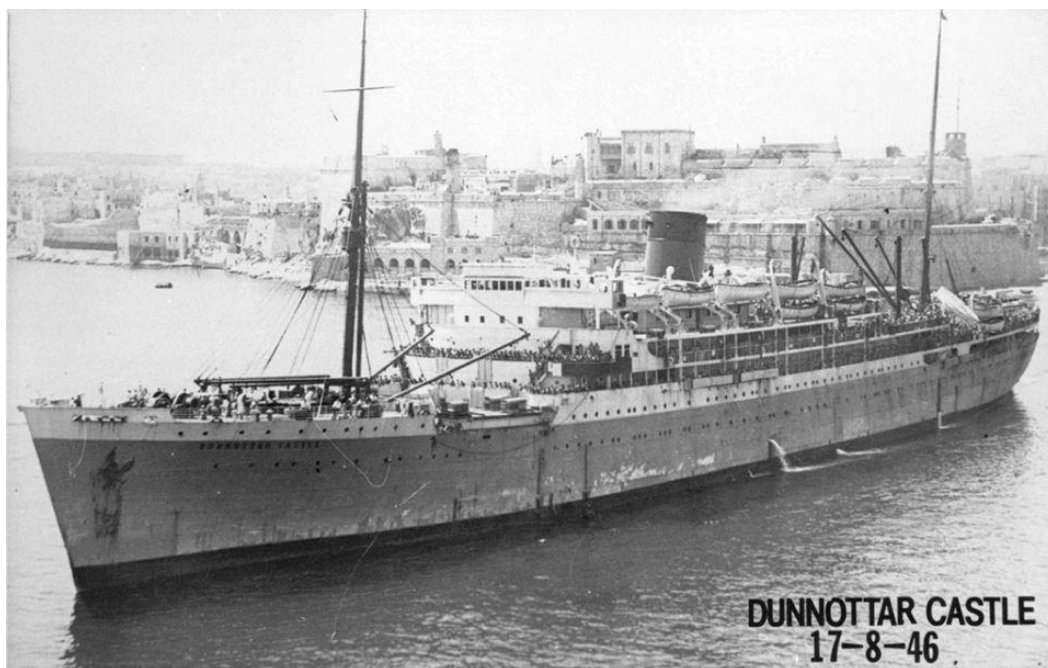
ПОЛК СОМЕРСЕТСКОЙ ЛЕГКОЙ ПЕХОТЫ – ИТАЛЬЯНСКИЙ ФРОНТ

До службы в армии Эдвард Карр (Edward Carr) состоял в организации Boys Brigade (христианская молодежная спортивно-туристическая ассоциация), где был посыльным сети постов гражданской обороны. Позже он вступил в Air Training Corps - молодежная учебная организация, спонсируемая Королевскими ВВС. В то время он числился в резерве ВВС. В дальнейшем он поступил на службу в пехоту и оказался на Итальянском фронте...

Путь в Италию

Мы двинулись в путь. В приказе говорилось, что мы освобождаем место для других частей, но по лагерю уже ходили слухи — как обычно — что нас отправляют за границу. Второй фронт ещё не был открыт, так что, скорее всего, это будет Ближний Восток или Дальний Восток — в общем, увидим.

Мы построились на станции со всем своим снаряжением и сели в поезд. Представители [Армии Спасения](#) раздали нам по чашке чая и по сэндвичу, и мы поехали. После нескольких остановок, сделанных для того, чтобы пропустить скорые поезда, мы стали медленно продвигаться по боковым путям. Некоторые ребята узнали местность — это был Саутгемптон. Поезд замедлил ход, пока мы не оказались прямо у причалов. Там стояли суда всех размеров, были и военные корабли. Я никогда не видел столько судов, а вокруг — сотни солдат, куда ни посмотри. Вот тогда я по-настоящему понял: война идёт по-серьезному. Помню, как я встал в очередь и поднялся по трапу. Это было примерно во время вечернего чая в пятницу. Наше судно называлось *Dunottar Castle*, когда-то оно было почтовым. По громкой связи объявили: «Когда вас распределят по палубам, оставайтесь там, потому что корабль отправляется за моря». На борту раздалось громкое ликование: а зачем ещё мы сели на корабль?

У каждого из нас был спасательный капковый жилет, который нужно было носить постоянно. Также каждому выдали гамак — вешать его было целым развлечением. Гамаки

подвешивали прямо над местом, где мы сидели и ели. Когда их повесили все, протискиваться внутрь и находить место ногам стало довольно сложно.

Когда наступило утро, я выглянул — войска всё ещё продолжали грузиться. Еда была вполне приличная: её приносили на нашу палубу в больших контейнерах, и она оставалась горячей. День прошёл, корабль заполнялся. Солдаты ничего не упускают из виду: ранним воскресным утром по судну прокатился громкий восторженный крик — на борт поднялись медсёстры. Кто-то из *старичков* сказал: «Ну всё, теперь точно отплывём, раз медсёстры на борту! И действительно: в ночь на воскресенье мы услышали, как запускаются двигатели. Мы тронулись в путь

После завтрака я поднялся на палубу и занял место у борта, потому что знал: сейчас будет учебная тревога – будем учиться использовать шлюпки. После неё объявили, что мы направляемся в Италию, чтобы присоединиться к 1-й Армии. Наконец-то мы узнали, куда держим путь. В течение дня нам читали лекции о том, чего ожидать и в составе каких частей мы будем действовать. На корабле были бойцы [Свободной Франции](#), несколько темнокожих ребят из французского Марокко, немного канадцев, много новозеландцев, а также множество индийских солдат и несколько гуркхов.

Погода становилась всё хуже, а позже среди кораблей охранения началось движение: поступило предупреждение о появлении подлодки. Солдатам приказали спуститься вниз или сидеть на палубе, лишь бы не ходить туда-сюда. Я решил остаться наверху. Капитан объявил, что его корабль может уйти от любой подлодки и что он покидает конвой и пойдёт наперерез через Бискайский залив. К тому времени волны стали очень большими, и плохая погода превратилась в настоящий шторм. Капитан снова попытался нас успокоить: если волны достигнут сорока футов, торпедную атаку провести почти невозможно — море слишком бурное, чтобы попасть в цель. Этот огромный корабль качало и бросало, как лодку. Винты постоянно зависали над водой, и судно начинало трясти. Я устроился на корме вместе с парой других парней, и нам это даже нравилось. Еды было много, потому что многие солдаты страдали морской болезнью и не могли есть. Я помню хлеб: его пекли каждый день, и пах он точно так же, как хлеб, который пекла моя мать.

Примерно через сорок восемь часов погода улучшилась, и мы прошли мимо Гибралтара. На следующее утро мы прибыли на Мальту. Остановились лишь на время, чтобы высадить группу медицинского персонала и выгрузить медицинское оборудование. Затем мы снова вышли в море, теперь уже вместе с остальной частью конвоя. Мы увидели один средний по размерам авианосец, получивший торпедное попадание: было хорошо видно, как команда выстраивается на накренившейся палубе, готовясь покинуть корабль, как только будет дан приказ. У меня до сих пор есть фотографии этого судна, а позже мы узнали, что это был *Trumpeter*. *(Здесь явно какая-то ошибка: эскортный авианосец Trumpeter не числится в списке кораблей, торпедированных в ноябре 1943 года, когда происходят описываемые события. Возможно, речь идет о британском крейсере Birmingham, поврежденном 28 ноября 1943 года недалеко от ливийского побережья торпедой, выпущенной подводной лодкой U-407 – ВК).*

Высадка в Италии и путь к Кассино

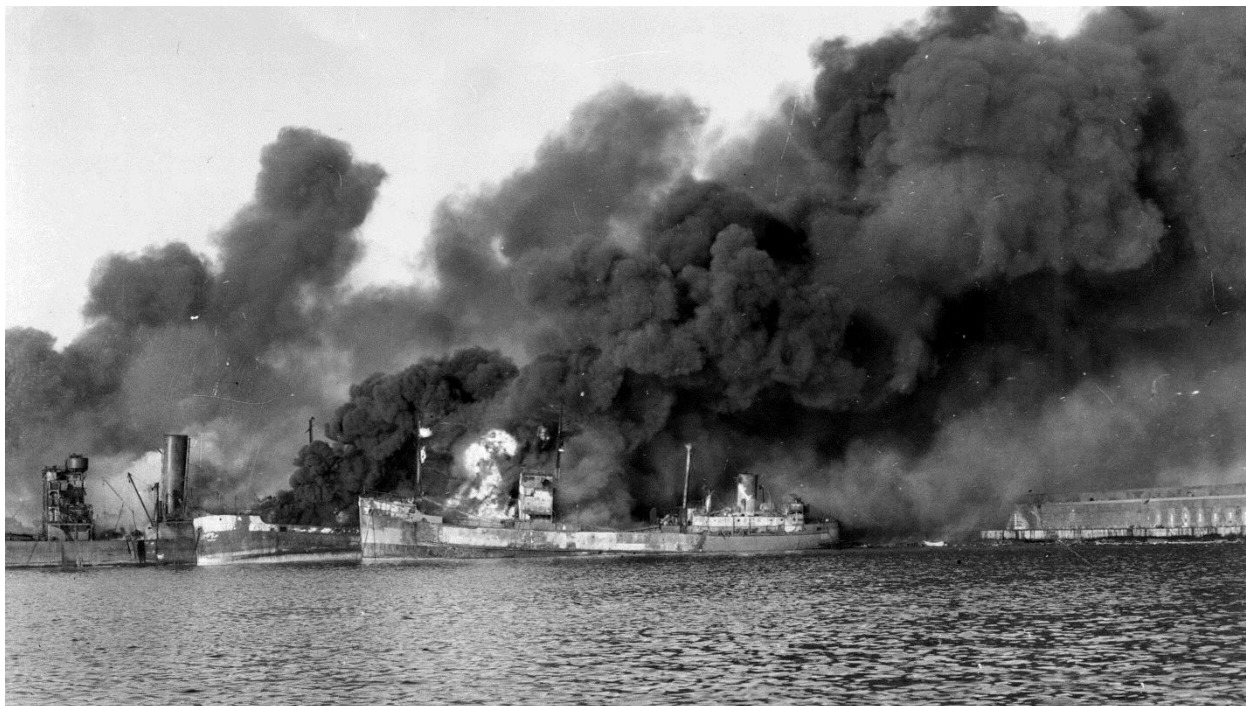
Позже, в тот же день мы увидели землю. Это была земля *вопов* и *спагетти* (*вор - довольно презрительная кличка итальянцев и вообще южноевропейцев в англоязычном мире, и рассказчик приносит извинения за него*). Судно сбавил ход, и в сумерках мы вошли в гавань Таранто. Началась высадка, и наша группа сошла на берег примерно около полуночи. Мы хорошо поужинали, и нам выдали пакет с бутербродами — очень разумно, потому что следующий приём пищи у нас был только на следующий день к обеду. Когда мы спускались по трапу на причал, мы не увидели никаких разрушений, всё было цело. Место было немного запущенным, но не более того. Мы отошли от места швартовки и ждали, пока придет транспорт. В конце концов он появился: это были армейские

трёхтонные грузовики, которыми управляли сикхи из 4-й Индийской Дивизии. Мы вливались в состав британской 4-й Дивизии. Индийская дивизия была с нами до конца нашей кампании в Италии, а позже — и в Греции.

Следующие два дня мы продвигались дальше на север вдоль восточного побережья, останавливаясь лишь для еды и иногда из-за активности авиации. Немцы отошли на свои оборонительные рубежи дальше на север, так что насколько они сильны, нам предстояло узнать позже. Мы прибыли в портовый город Бари/Bari. Это был довольно большой город с очень хорошей гаванью. Наша колонна выехала на западную окраину, на возвышенность, где стояло несколько зданий, повреждённых бомбами или снарядами. Однако они оставались достаточно целыми, чтобы укрыть нас от дождя.

Мы занялись чисткой оружия и подготовкой снаряжения. На следующий день дождь прекратился, и прозвучала воздушная тревога. Однако самолёты нас проигнорировали — они атаковали корабли в гавани, среди которых были и те, что везли наши припасы. У нас был отличный обзор: глядя через город, мы видели, как *Ju-87 Штуки* покидают свой строй, пикируют и сбрасывают бомбы на суда. Казалось, они заходили снова и снова — возможно, это были новые группы. Перед налётом в гавани было около двенадцати грузовых судов и два военных корабля типа эсминцев. К концу дня мы насчитали десять кораблей повреждёнными или горящими, некоторые сильно кренились. Где же были Королевские ВВС?

На следующее утро с первыми лучами солнца *джерри (Gerry – распространенное в годы ВМВ прозвище немцев – ВК)* снова появились, но на этот раз прилетели пять *Харрикейнов/Hurricane* и сбили два или три самолёта, а ещё два ушли, сильно дымя. Один из кораблей взорвался особенно мощно — из него поднялось большое жёлтое облако и поплыло над городом. Позже мы узнали, что это был иприт, груз которого находился на одном из судов. Он наделал немало бед в городе, убив и ослепив нескольких людей. Официально так и не объявили, с какого именно корабля произошла утечка газа. *(Это был американский транспорт John Harvey с грузом химических боеприпасов на борту. В результате авианалета Люфтваффе на гавань Бари было потоплено 27 судов – ВК).*

John Harvey в огне. 2 декабря 1943 года

Наш полковой сержант-майор сказал: «Возможно, это был старый немецкий корабль, оставленный там, потому что ни один британский корабль не стал бы перевозить иприт.» Мне это показалось очень дипломатичным заявлением. В 2004 году было объявлено, что это был американский корабль, который перевозил газ лишь на случай, если враг применит его первым.

Дождь начался снова и лил как из ведра. Ходили слухи, что нас отправляют на север — туда, где шли бои. Автотранспорт использовать было невозможно. В этой части Италии дороги были приподняты над окружающими их полями. Эти поля раньше были болотами, пока Муссолини не распорядился осушить их и превратить в сельскохозяйственные угодья. Землю отдали крестьянам, которые стали выращивать на ней фрукты и овощи, но теперь немцы затопили всё это — это была часть их оборонительной тактики. Двигаться по дорогам было невозможно: существовала опасность присутствия снайперов и корректировщиков огня на ближайших холмах. Они могли заметить любое движение и навести миномётный или артиллерийский огонь по всему, что шевелится. Первыми двинулись части Хэмпширского/Hampshire Полка, которые входили в нашу дивизию. Мы пошли следом и под руководством полкового сержант-майора свернули с главной дороги и оказались в железнодорожном тупике, на территории того, что когда-то было заводом. Там стояли товарные вагоны, и нам приказали залезть в них и заполнить настолько плотно, насколько возможно. В хвосте состава было несколько платформ, и они уже были заняты штабными и их имуществом.

Кто-то явно заранее очень усердно поработал и не распространялся об этом. Мы узнали, что полковой сержант-майор успел провести разведку, когда выяснил, что мы снимаемся с места. С помощью нескольких ребят, которые на гражданке были железнодорожниками, он сумел все организовать. Они нашли небольшой дизельный локомотив, завели его и прицепили к нему состав. Локомотив был заправлен топливом — или, по крайней мере, его было достаточно, чтобы довезти нас до места назначения. Нам передали приказ: всё время соблюдать тишину и внимательно смотреть по сторонам. Если поезд будет обстрелян, мы должны были собраться в голове состава и ждать приказов. Как обычно, дождь лил как из ведра...

Мы стали медленно продвигаться вперед, сделав несколько остановок на контрольных пунктах. Перед рассветом поезд остановился, и нам приказали сойти. Мы оказались возле группы домов рядом с кучей щебня — когда-то там стояло большое здание. Рота В, то есть мы, шла впереди. Кто-то в голове колонны знал, куда идти, а мы просто следовали за отделением, идущим впереди нас. Мы промаршировали два часа, когда назад по колонне передали приказ: «Быть настороже», потому что мы приближались к небольшому городку под названием Капуа/Сариа, расположенному южнее Кассино. Это и было нашим местом назначения, а остальные части должны были подойти позже. Мы все нашли себе место, где можно было прилечь. Чтобы попытаться согреться и обсохнуть, мы хотели вскипятить чай, но нам запретили разводить огонь. Были выставлены часовые, и около 21.00 штабная рота принесла нам чай и бутерброды. Изредка прилетали мины и снаряды, но падали на расстоянии от нас.

На следующий день начали прибывать части, оставшиеся в Бари, и мы услышали несколько возгласов вроде: «Как, чёрт возьми, вы сюда добрались?!» — или что-то в этом духе. Пара 88-миллиметровых снарядов, упавших неподалёку, быстро прекратила разговоры — все бросились в укрытие. Бригадир сказал нашему полковнику: «Я не знаю, как вы доставили сюда своих людей — и, думаю, мне и знать не нужно!»

Первое сражение

Его называли [первым сражением](#) (за Монте Кассино), но, по моему мнению, это был момент, когда союзные армии, продвигавшиеся почти не встречая сопротивления, наконец натолкнулись на заранее подготовленную оборонительную [Линию Густава](#). Они

продвинулись на север по долине Лири/Liri и должны были форсировать реку Рапидо/Rapido, если удастся план обхода Кассино. Русло реки Рапидо было всего около 60 футов шириной там, где она огибает Кассино. Это была не очень широкая река, но она была около 9 футов глубиной и имела быстрое течение — примерно 8 миль в час. На большей части её протяжения берега были почти отвесными — примерно на два-три фута выше уровня воды.

Американцы планировали переправу силами примерно шести батальонов: часть южнее Сан-Анджело/San Angelo, часть севернее. Непрерывные дожди и затопление местности немцами превратили луга перед рекой в болото и грязь. Американцы обстреливали немецкие позиции артиллерией по мере продвижения, но, когда они подошли к реке, их орудия уже не могли опустить стволы достаточно низко, чтобы поражать противника. С самого начала они несли потери на минных полях (которые, как считалось, должны были быть очищены). Миномётчики и пулемётчики противника получили возможность стрелять практически безнаказанно. Американцы шли к реке, неся лодки, но осколки пробивали в них дыры, делая многие из них непригодными.

Под проливным дождём и в непроницаемой темноте многие проводники не могли сориентироваться. Отдельные солдаты теряли свои части. Хуже того, среди первых потерь оказались командир и его заместитель. Другие офицеры и подофицеры пытались заново собрать людей в группы, и многие подразделения поддержки потеряли тех, кого должны были прикрывать. Одна из групп, отвечавших за наведение переправы, тоже заблудилась. Остальные попытались форсировать реку без артиллерийской поддержки под убийственным огнём противника. Немцы, слышавшие создаваемый в беспорядке приближающимися к реке людьми шум и бывшие начеку, несмотря на темноту, дождь и поднимающийся туман, обрушили огонь на участки переправы, положение которых могли определять просто по звуку. Многие лодки тонули сразу после спуска на воду. Другие переворачивались, когда люди пытались залезть в них под плотным огнём. Несколько лодок с солдатами из двух рот сумели переправиться и атаковать немецкие позиции, пока сапёры пытались навести пешеходные мостики для подразделений, которые должны были следовать за ними. Из мостов, которые подвезли, некоторые оказались непригодными, один был уничтожен минами, а ещё два были выведены из строя огнём противника. Сапёры сумели собрать один мост из частей остальных, и по нему переправились две роты, но затем он был уничтожен огнём противника.

К рассвету никакой связи с подразделениями, оказавшимися на другом берегу, уже не было. Радиостанции в таких условиях недолго оставались в рабочем состоянии. Командиры на этом берегу могли судить о ходе боя только по звукам стрельбы. А над всем районом возвышалась гора (Монте) Кассино — даже на расстоянии около пяти миль она предоставляла немцам возможность видеть все как на ладони. Переправившиеся американцы оказались прижатыми спиной к реке и окружёнными самоходными орудиями и немецкими танками, и немцы начали методично уничтожать их. Американский офицер, командовавший людьми на занятом плацдарме, запросил разрешение на отход обратно через реку, но получил отказ. К тому времени, когда пришёл ответ, он уже по собственной инициативе приказал отступить, взяв ответственность на себя. Утром командир приказал остальным американцам, находившимся на этом берегу, попытаться переправиться под прикрытием дымовой завесы. Был наведён пешеходный мост, и до полуночи на другой берег успел перейти третий батальон. К рассвету переправились ещё три батальона, включая тот, который отошёл накануне ночью.

В течение утра немецкая артиллерия, которая прекрасно пристреляла участки переправы, дождалась, пока рассеется туман, а затем уничтожила пешеходный мост и оставшиеся лодки, а также телефонные линии, которые американцы успели протянуть. Отдельные группы людей держались ещё какое-то время, а затем интенсивность огня постепенно стихла, и к четырём часам дня всё было кончено. За сорок восемь часов американцы потеряли 1 681 человека убитыми и 875 пропавшими без вести. Для них это была крупнейшая разовая потеря в бою со времён [Пёрл-Харбора](#).

За три ночи до этого британцы успешно провели форсирование реки Гарильяно/Garigliano (всего в нескольких милях отсюда) под огнём противника силами 10-го Корпуса. Чтобы правильно оценить переправу через Рапидо, нужно понимать: американцы были сравнительно неопытны, британцы же выучили свои уроки ещё три года назад в пустыне — правда, этот учебный процесс дался им очень нелегко...

Пока всё это происходило, наш батальон был занят патрулированием: проверяли расположение вражеских опорных пунктов, прощупывали оборону и, так сказать, поддерживали спокойствие у начальства. К нам присоединились Новозеландская Дивизия, американская 1-я Танковая и 4-я Индийская Пехотная. Было совершенно очевидно, что что-то назревает. Нам приказали выдвинуться к железнодорожной станции по неглубокой насыпи, по которой шла железная дорога, выходя из-под прикрытия склонов горы Монте Троккьо/Monte Trocchio. Мы наткнулись на водосточный тоннель, проходивший под дорогой. Накануне ночью он был набит итальянскими женщинами и детьми. На лицах женщин были глубокие морщины — следы тяжёлой работы, тревог и горя. Большинство было одето в чёрное, и, как заметил один парень, они выглядели как чёрная смородина, плотно набитая в ящик. Не понимаю, как они вообще могли там дышать. При том, что с обеих сторон дороги падали снаряды и мины, это было смертельно опасное место. «Один снаряд по этому тоннелю — и они все погибнут! - крикнул я капралу Уайэтту (Wyatt), который находился ближе всего к ним, на другой стороне дороги. - Дай им понять: если они останутся здесь, они все погибнут!» Он подошёл к ним, показал туда, где за горами было море, и сказал: «Синьора! Мульты периколо! Идите к морю! Лодки, спасение, безопасность!» Молодая синьора — смоляные волосы выбивались из-под платка, а большие латунные серьги свисали почти до плеч — застенчиво улыбнулась ему и попятилась обратно в тоннель, прижимая к себе ребёнка. Возможно, его итальянский был не таким хорошим, как он думал. «Попробуй ещё раз! Вытащи её и толкни вниз по дороге!» - крикнул я. Он так и сделал. Застенчивая улыбка исчезла, и она укусила его. Мы решили оставить их, где они были. Позже я задавался вопросом: выжил ли кто-нибудь из них. Чёрная мадонна, забившаяся в водосток, окружённая другими женщинами, тоже в чёрном, с платками как капюшоны... все они были в черном...

Вам не приходилось когда-нибудь заглядывать ночью в чёрную дыру подвала и кричать: «Есть там кто-нибудь?!», прежде чем выдернуть чеку гранаты и бросить её внутрь? В ответ из тишины возвращается только эхо твоего голоса. И вот, когда ты уже готов бросить гранату, из подвала раздаётся страшный шум, и эти же женщины в чёрном вырываются из дыры в земле, крича и визжа, и исчезают в ночи, как стая летучих мышей... Помню: спустя недели, когда я проходил то место снова, от дороги там не осталось вообще ничего...

На следующее утро мы узнали, что монастырь будут бомбить. Мы не могли в это поверить. Немецкие позиции, казалось, находились не в самом монастыре, а вокруг него, на склонах холмов. На следующий день временами выглядывало солнце. Мокрые носки и рубашки появлялись в самых неожиданных укромных местах: люди пытались их просушить. Однако продвижение к станции остановили, и мы закрепились на достигнутом рубеже. Передвигались мы только с крайней осторожностью: немецкие снайперы были очень хороши! Однажды я попробовал пострелять из их винтовки — она была невероятно точной. С 300 ярдов, используя специальный прицел, можно было различить черты лица человека! Правда, отдача у неё была как у мула.

Мы заняли небольшой фермерский дом. Когда мы пришли, хозяева поспешно удалились. На плите даже осталась большая кастрюля спагетти, которые всё ещё варились. Прежде чем мы успели что-то сказать, двое наших уже попробовали и заявили, что вкусно! Мы подождали час, чтобы убедиться, что еда не отравлена, и, раз ребята чувствовали себя нормально, мы все набросились на неё. Потом мы заняли позиции, выставили наблюдателей и часовых. Наступило утро, и вот что мы увидели: дверь, ведущая в подвал, распахнулась, и в комнату вошли немецкие солдаты с поднятыми руками, крича: «Kamerad! Kamerad!» Они, должно быть, думали, что здесь стоит целый батальон, раз решились вот так сдаться. Было видно, как они удивились, когда поняли, что перед ними всего лишь

небольшой взвод. Мы обыскали их на предмет оружия и заперли в одной из комнат, поставив часового у двери. Связались со штабом — там обрадовались, услышав, что у нас 27 пленных. Мы не стали рассказывать, как именно мы их захватили. За ними прислали два трёхтонных грузовика. Нам повезло. На их месте могли быть мы. Этот урок мы не забыли: не устраивайся в доме как у себя, пока не проверишь подвал.

Утро этого дня (*15 февраля 1944 года - ВК*) было прекрасным, солнечным. Мы слышали самолёты очень высоко в небе и видели множество белых следов от конденсата. Один офицер, глядя в бинокль, сказал: «Это *Летающие Крепости*», и они, должно быть, были на высоте не ниже двадцати тысяч футов! Даже оттуда, где мы находились, было видно, как падают бомбы, и как при взрывах над монастырём поднимаются огромные облака пыли. Довольно много бомб легло мимо цели и упало рядом с монастырём на гряде *Змеиная голова/Snake's Head*, которую занимали американцы. За первой волной последовала вторая, затем третья. Некоторые бомбы падали и на сам город Кассино, часть которого занимали наши и *Шропширцы (солдаты Шропширского/Shropshire Полка – ВК)*. Следующая волна состояла из самолетов *Митчелл/Mitchell* — это были средние бомбардировщики, и они шли достаточно низко, чтобы я мог узнать их. Бомбардировка продолжалась большую часть дня, и к сумеркам монастырь и сам город превратились в огромные груды развалин.

Я видел, что из завалов осталась торчать часть здания почты, а также гостиница. Мы смотрели на монастырь — он был почти неузнаваем. Его форма изменилась: квадратные стены исчезли, а в центре выросла огромная куча обломков. Некоторые стены ещё сохранялись примерно на две трети высоты. На следующий день прилетели несколько истребителей-бомбардировщиков — думаю, они делали фотографии, — но кроме этого никакой активности в небе не было. Монастырь, или по-другому аббатство, превратился просто в одну огромную грудку камней.

Ни одно событие войны не вызвало столь ожесточённых споров, как бомбардировка аббатства. После войны генерал [Марк Кларк](#) (Mark Clark) в своих мемуарах написал: «Я считаю, что бомбардировка аббатства была ошибкой». Это было больше чем ошибка: она сделала задачу [взять город] сложнее и стоила дороже — людьми, техникой и временем. Он отказался от ответственности за приказ, который сам же отдал, и переложил вину на своего подчинённого — [генерала Фрейберга](#) [(правильно – Фрайберг (Bernard Freiberg))]. Позже было довольно точно установлено, что в момент бомбардировки аббатство не было занято немцами. Однако тогда это знать было невозможно, и в конечном итоге это считалось несущественным.

Второе сражение

Утро наступления (*17 февраля – ВК*) для 4-й Индийской и 4-й Британской дивизий не было похожим ни на что из того, что мы переживали раньше. Теперь только зубчатые руины, прежде известные как город Кассино, отделяли наши передовые позиции от немцев. На этот раз слева от нас находились новозеландцы. На мой взгляд, это были одни из лучших солдат, с которыми только можно было воевать бок о бок. Наш полковник Хант (Hunt) сказал офицеру, командовавшему *киви (kiwi – самоназвание новозеландцев и их распространенное прозвище – ВК)*: «Ваши люди не очень-то отдают честь, не так ли?» Тот ответил: «Попробуйте махнуть им рукой — они всегда машут в ответ!»

К тому времени, как мы покинули район отдыха, зимняя погода становилась всё хуже: дождь, мокрый снег, снег и даже немного града сменяли друг друга. Земля на равнине превратилась в сплошное море грязи, болот и разливов. Атаку приказали начать в 23.00, но мулы, которые должны были подвести боеприпасы, не прибыли. Человеку, который не воевал в горах, использование мулов может показаться странным, но под Кассино нельзя было пускать грузовики по дорогам: их бы заметили и разнесли в щепки. Все наши припасы — от патронов и воды до бензина — приходилось везти на мулах семь миль через долину,

а последние ярды тащить вручную до передовых позиций. На преодоление маршрута уходило пять часов, и почти на всём протяжении его обстреливали, так что до цели добиралась лишь часть мулов. По ночам раненым часто приходилось преодолевать тот же долгий путь в обратном направлении.

*Британский солдат пытается поднять упавшего в снег мула с грузом для передовой.
Кассино, зима 1943/1944 годов*

В итоге атака началась далеко за полночь. Боеприпасы мы получили, их уже раздали. Помню, сержант-майор сказал: «Старайтесь дожидаться, пока враг не встанет прямо перед вами. Тогда одним выстрелом уложите двоих!» [Он говорил так] потому, что большая часть наших боеприпасов всё ещё лежала на дне гавани Бари. Он всегда умел вызвать улыбку у ребят.

Наша задача заключалась в том, чтобы переправиться через реку к востоку от Кассино, где после бомбёжки уровень воды упал на два-три фута, и её можно было перейти вброд. 4-я Индийская Дивизия и поляки атаковали на более высоком участке местности справа от нас. Когда мы подошли к реке, она показалась мне другой, чем несколько дней назад, когда я проходил здесь в патруле. На противоположном берегу, примерно в 50 ярдах от воды, появилась полоса кустарника, которую я не помнил. Я сказал об этом нашему командиру взвода, лейтенанту Бэшли (Bashley). Он ответил: «Ты, наверное, ошибаешься. Может, это было другое место, которое ты запомнил?» Мы переправились, не встретив никакого сопротивления, что было странно. Но как только передовое отделение подошло к этому «кустарнику», загрохотали взрывы один за другим. Это был вовсе не кустарник, а плотная полоса колючего терновника, которую *джерри* специально натаскали сюда. Она была усилена колючей проволокой и противопехотными минами.

Те, кого не зацепило, бросились искать укрытие. С другой стороны заграждения в нас полетели гранаты, а затем открыли огонь *шпандау* (*Spandau* – собирательное название немецких пулеметов у британцев, бравшее начало со времен ПМВ, когда это название носил немецкий пулемет *IMG 08 – BK*). Кто-то вызвал огонь дымовыми снарядами, и когда они начали падать, мы отошли обратно за реку. Раненых мы унесли с собой — среди них был и лейтенант Бэшли. Он был в очень тяжёлом состоянии, но каким-то образом ещё был жив. Я так и не узнал, выжил он или нет. Позже наша артиллерия принялась молотить по

этому месту, пока оно не превратилось в сплошную кучу грязи. Роты *A* и *D* прошли вперёд и закрепились. Произошедшее можно было назвать скорее стычкой.

Мне пришлось идти в штаб с докладом, потому что во взводе я оказался старшим по званию среди подофицеров, все ещё остававшихся в строю. Наш взводный сержант был убит на месте. Мы потеряли 8 человек убитыми и 7 ранеными, а также ещё 3 легкоранеными, которые могли идти. Мне было присвоено звание *WS/SGT* (*war substantive sergeant*), то есть «временно утверждённый взводный сержант, получивший звание на передовой». Хорошее звание.

Ночь была тяжёлой для всех. Гуркхи потеряли 11 офицеров и 135 солдат. Индийские стрелки потеряли 196 офицеров и солдат. Наш сержант-майор сказал: «Твой взвод недосчитался 19 человек. С двумя другими взводами такая же история. Мы объединяем их в один взвод, пока не получим пополнение. Тебя временно прикомандируют к Батальону 1/2 гуркхов. Это будет для тебя хорошим опытом.» Тогда я так не думал, но позже согласился бы с ним. Я пошёл по дороге с несколькими нашими легкоранеными, убедился, что мои ребята встали в очередь на получение медицинской помощи, а затем отправился искать штаб батальона. Я нашёл его в старом здании, где в каждой комнате, куда я заглядывал, было что-то навалено. Я нашёл склад квартирмейстера — он был как пещера Аладдина.

Мне выдали мои три нашивки, а также новый китель. Брюк к нему не было. Квартирмейстер сказал: «Давай сюда куртку и нашивки. Один из моих ребят пришьёт их тебе.» Это было неожиданно: я привык пришивать всё сам. Эти дополнительные нашивки меняли многое. Меня отвели дальше по дороге, чтобы я познакомился со своими новыми людьми — хотя бы на время. Их, как и нас, крепко потрепало. Их было 35 человек — немного больше, чем в моём взводе. Молодой офицер, который вёл меня к ним, был или казался ещё моложе меня. Я сказал: «Меня зовут Карр. Продолжайте делать то, чем занимались. Я пройду и познакомлюсь с каждым. Вчера ночью я был с вами на переправе.» Я подошёл к каждому, поговорил, спросил имя. Я пожимал всем руки и повторял про себя имя, но понимал, что никогда их не запомню. Гуркхский сержант, который ходил за мной, сказал: «Не все так делают. Они знают вас как капрала *Гана/Gun*, потому что вы всегда носили пулемёт *Брен/Bren*.» Я быстро освоился с этими людьми. Это были настоящие солдаты во всех отношениях.

Британский пулеметчик среди руин Кассино. В одном из источников утверждается, что это Эдвард Карр

На следующий день, примерно к вечернему чаю, меня вызвали в кабинет майора, который находился в небольшом подвале. Мне сказали: «У нас для вас есть работа.» Меня познакомили с американцем, который оказался священником, и сказали: «Возьми трёх солдат и двух водителей.» Когда я вернулся, нам выделили грузовик: в кузове лежали одеяла, а также несколько контейнеров с едой, и нам сразу сказали, что это не для нас. На подъездной дороге к Кассино, на Шоссе №6 стоял монастырь. Многие монахини уже уехали, но поскольку армия собиралась использовать монастырь как пункт сортировки и эвакуации раненых, там оставалось несколько послушниц. У них не было медицинской подготовки, и они не хотели оставаться — их нужно было перевезти в более безопасное место.

Когда мы прибыли, было видно, что монастырь пережил бомбёжку. Мы остановились. Американский священник — как оказалось, свободно говоривший по-итальянски — разговаривал с монахиней, которая открыла дверь. Через минуту вышли ещё примерно пять послушниц. Мы посадили их в кузов, показали одеяла и еду и сказали: «Устраивайтесь как можно удобнее и ешьте. Это вам полезно!» Мы направлялись в место под названием Плетони/Pletoni, где был ещё один монастырь — примерно в часе езды. Мы нашли его с помощью одной из монахинь и священника. Чем ближе мы подъезжали, тем хуже становились дороги: было много грязи, и они были изрезаны глубокими колеями. Мы застряли дважды, а во второй раз всем пришлось выйти и толкать машину — в грузовике остался только водитель. Одна из монахинь была босиком, а погода стояла по-настоящему холодная. Когда все снова залезли в кузов уже на более твёрдом грунте, один из гуркхов достал из своего вещмешка пару носков и отдал босой монахине. Носки были ярко-красные — его цвет удачи. Священник потом сказал: «Готов поспорить, она была единственной монахиней в Италии в красных носках!» Когда мы добрались до нового монастыря, монахинь быстро увели внутрь, а нам каждому дали по большому котелку чая и по бутерброду из тёмного хлеба. Это пришлось очень кстати. Затем мы снова отправились в путь — нужно было вернуться в подразделение до рассвета.

На обратном пути один из гуркхов сказал: «Остановитесь под тем деревом и подождите нас двадцать минут», после чего они исчезли в ночи. Минут через десять они вернулись с полной яичной каской и двумя курами, которых прирезали совсем недавно, и вручили все это священнику. Они сказали: «Мы не можем приготовить кур, но мы можем приготовить яйца!» Когда мы высадили священника, он сказал: «Я рад, что вы были со мной. Я немного боялся этих людей!» Позже, когда мы ели яйца, я передал гуркхам, что он сказал, и они заревели от смеха. «Мы сами нервничали в его присутствии, вот поэтому и добыли ему кур!»- сказали они.

Гуркхи в Италии

Итальянцы, жившие среди руин, постоянно снимали башмаки с наших погибших товарищей. Ты никогда никого из них не видел, но, если солдаты меняли свои башмаки на башмаки убитого, они всегда оставляли рядом свою старую пару. Ещё мы замечали: если тело было сильно изуродовано, башмаки оставались на месте — видимо, не у всех хватало духу приближаться к самым жутким трупам. Одно-двух таких мародёров застрелили, когда они обшаривали мёртвых: они ведь брали себе не только сапоги. Скорее всего, они жили в подвалах и днём сидели тихо. Позже я узнал, что прошёл «проверку» у гуркхов. Я всегда делал то же, что и они, а не просто говорил: «Сделай то» или «Сделай это». Поэтому позже, когда я возвращался в своё подразделение и пересекался с ними, меня всегда встречали очень тепло. В следующие две недели я много ходил на патрулирование со своим гуркхским взводом, и чем лучше я узнавал их, тем больше восхищался ими как солдатами. Мы находились в том районе Кассино, где раньше стояли жилые дома. Никаких больших зданий — и иногда по ночам можно было слышать, как вражеские солдаты разговаривают, или, например, чей-то кашель по ту сторону стены. Когда гуркхи это слышали, они бесшумно ускользали в ночь. Разговоры прекращались, и отделение возвращалось, показывая большой палец: ещё одно дело сделано.

Немцы скрытно усиливали свои позиции. На местности было столько вражеских пулемётов, что передвигаться становилось почти невозможно. Начальство решило дать «парням из Королевских ВВС» попробовать подавить часть этих огневых точек. Мы отошли на заранее намеченные позиции и надеялись, что бомбардировщики будут точны. Мы услышали их задолго до того, как увидели. Казалось, их были десятки. Зенитного огня не было, вражеских истребителей тоже. Для лётчиков это, должно быть, было как учебный вылет. Мы видели, как падают бомбы, и затем поднялся шум. Это был непрерывный рёв и грохот; тот странный звук, который издаёт бомба, взрываясь в здании. Это была убийственная бомбардировка — точная, «научная». Ударные волны расходились, и оставались только огромные облака пыли и языки пламени, взрывающиеся в воздух.

Поступил приказ: мы идём на зачистку того, что осталось. Мы двинулись вперёд, и немцы начали вылезать из каждого камня и кирпича — некоторые выползали из дыр в завалах, всё ещё стреляя. Они пытались контратаковать, но бомбёжка стала для них потрясением, и они действовали неорганизованно, хотя дрались отчаянно. Один за другим очаги сопротивления были уничтожены. Пленных не было: эти дрались до последнего. Был один немец - оружия у него уже не осталось — он просто стоял и ждал смерти. Один из гуркхов сказал ему: «Убирайся отсюда к чёрту, быстро!» Немец повернулся к нам и закричал: «SIEG HEIL! SIEG HEIL!» Больше он не сказал ни слова. Затем раздалась очередь из пулемёта, и немец рухнул рядом со своими товарищами. Одной очереди хватило. Ещё один «хороший немец».

Однажды ночью мы были в разведывательном патруле, когда услышали крик и мужской голос из темноты. Мы завернули за угол и увидели сикха из 4-й Индийской Дивизии, который боролся с девушкой. По виду её одежды было понятно: он пытался её изнасиловать. Наши ребята оттащили его и были готовы наказать прямо на месте, но мы решили отвести его обратно к своим и дать им разобраться с ним по их правилам. Тогда я не представлял, каким будет наказание, но на следующий день мы услышали, что его казнили. Таков был их закон.

Между выходами на патрулирование нормально поесть, обсохнуть и согреться было почти невозможно. Дождь, казалось, не прекращался никогда, и условия, в которых мы находились, становились всё хуже. Весь наш небольшой сектор фронта просматривался с трёх сторон с высот, занятых противником, и при наличии более чем сотни незахороненных и недоступных тел, разбросанных по прилегающей местности, это было место, откуда мы больше всего хотели уйти. Думаю, больше всего мы боялись ранений от мин. Противотанковые мины типа [Теллер/Tellermine 35 Stahl](#) были не так страшны: они были большими, предназначенными для подрыва танков и машин. Они убивали сразу. Мы боялись маленьких мин. [S-Мина](#) сидела в земле, и из неё торчали три стальных усика. Если наступить на один из них, срабатывал взрыватель. Секундный запал хлопал, затем мина взрывалась и подпрыгивала на три-пять футов вверх, после чего взрывалась снова. Эти мины были начинены шариками от подшипников, которые могли сдирать плоть с костей. Если тебе везло, и ты слышал щелчок, наступив на неё, ты мог упасть плашмя лицом вниз — и тогда мина взрывалась у тебя над спиной. Если повезёт...

Я покинул Батальон Гуркхов 1/2, когда они получили пополнение, и вернулся в своё подразделение. Мы всё ещё не были полностью укомплектованы, но нас использовали для поддержки других частей. С нами проводили занятия по минам. Немцы изобрели новую — [ботиночную мину \(Schützenmine 42\)](#). Так её называли потому, что она находилась в чёрной коробке, похожей на обувную, и была деревянной. Такие мины было очень трудно обнаружить.

У меня развился сильный кашель, и старшина сказал мне записаться в число заболевших: с таким кашлем в патруль идти нельзя. Поэтому на следующее утро я уехал с ранеными в тыл, за горы Троккью, в штаб батальона. Меня осмотрел врач и задал глупый вопрос: «Как долго вы ходите в мокрой одежде?» Я ответил: «Примерно столько же, сколько и все в Кассино — около трёх недель...» Думаю, он либо только что прибыл, либо вообще не

выходил на улицу — потому что дождь лил как из ведра. Оказалось, что у меня воспаление лёгких, и врач отправил меня в тыловой госпиталь. Я принял душ, съел миску горячего супа, и меня уложили в постель. Мне сказали, что следующие два дня я просто проспал. Меня будили только, чтобы дать лекарства, и я снова отключался. Прошло очень много времени с тех пор, как я ел из тарелки и спал в сухой кровати с простынями. Через несколько дней, когда мне разрешили вставать, я обошёл другие палаты — все они были хирургическими — чтобы посмотреть, нет ли там кого-то из моего старого взвода. Я нашёл только двоих. Остальных отправили в главный госпиталь дальше по дороге в тыл. Я увидел сержант-майора, он сидел в саду. Ему вытащили осколок из ноги. Он спросил, как я себя чувствую, и я ответил: «Теперь я в порядке.» Отдых и тепло пошли мне на пользу. Он согласился с этим, переговорил со старшей сестрой отделения, и она сказала ему, что я достаточно здоров, чтобы вернуться в свою часть, при условии, что закончу курс приема лекарств. На следующее утро я надел новую майку, бельё и рубашку. Мою форму выстирали и выгладили — я чувствовал себя новым человеком. Я возвращался в часть вместе с сержант-майором, и он сказал мне, что сегодня мы получаем пополнение: часть из Полка Корнуоллской Лёгкой Пехоты/Cornwall Light Infantry, часть из числа *Оксфордширцев и Букингемширцев/Oxfordshire and Buckinghamshire Light Infantry Regiment* и часть из нашего собственного полка. Снова у нас был полный взвод. Ходили слухи, что нам предстоит ещё одна попытка взять Кассино.

Новым людям показали, куда складывать вещи, а я показал трем новым капралам основные ориентиры и схему передовой линии. На следующее утро всем старшим подофицерам приказали спуститься вниз и обойти с тыла монастырь. Там нам должны были показать новую разновидность [гранаты №75](#). Мы и раньше использовали такую гранату для подрывных работ, но из Англии приехал один гражданский специалист, чтобы продемонстрировать новый тип взрывателя, который можно было устанавливать под нажимную пластину. При раздавливании он приводил гранату в действие. Он объяснил, что идея такова: ждать в канаве, пока вражеский танк не поравняется с тобой. Затем гранату нужно было положить под гусеницу танка — это должно было сорвать трак и вывести машину из строя. Один ротный сержант-майор из новозеландцев встал и сказал: «Мои ребята не будут носить их в подсумках, потому что, когда они будут падать на землю, эти гранаты сработают.» Этот инженер (*он назван в тексте Voffin – военные так называли знающих, но чудаковатых разработчиков оружия – ВК*) ответил: «Какая чушь!» Он взял два взрывателя, вставил их в гранату, положил её на землю и наступил на неё: «Смотрите, какие они безопасные. Я могу даже прыгнуть на неё!» Он так и сделал — и разлетелся на куски. Новозеландцы встретили это аплодисментами. Остальные быстро разошлись, а тем, кто стоял ближе всего, пришлось соскрести маленькие кусочки его плоти со своей одежды...

Когда я вернулся во взвод, сержант-майор подошёл и представил нового офицера — нашего нового командира взвода. Он сказал: «Сержант Карр вам всё покажет. Слушайте, что он говорит, и у вас всё будет хорошо. Не как у двух предыдущих. Лейтенант Янг, я оставляю вас в надёжных руках.» Он пожал офицеру руку и ушёл. Я посидел с ним немного, мы выпили чаю, а потом я взял его и его ординарца и повёл на тот участок Кассино, который мы контролировали. Я показал ему аббатство, Виселичный Холм /Hangman's Hill (Высота 435), Замковую Гору/Castle Hill и ещё пару ориентиров, которыми мы пользовались, чтобы дать ему общее представление о происходящем. Я посоветовал ему не носить галстук (он сказал, что заметил, что старшина тоже без галстука), убрать планшет с картами в вещмешок, а бинокль положить в ящик с радиостанцией, которую носил его ординарец (потому что немецкие снайперы были очень наблюдательными и именно на такие вещи они обращали внимание). Он показался мне вполне нормальным парнем, был он из Дарема/Durham. Посмотрим, сколько он продержится.

Я рассказал ему о некоторых ребятах во взводе. Был, например, Джон Доллингфорд (John Dollingford), чей отец, лорд Доллингфорд, хотел, чтобы сын пошёл во флот — семейная традиция. Но он пошёл в армию, дважды был повышен в звании, дважды разжалован, дважды ранен, имел *Военную Медаль/Military Medal*, но никогда её не носил. Завершая

разговор, я рассказал ему про одного майора в нашей роте — майора лорда Дерби (Derby), настоящего сноба.

Вернувшись во взвод, я устроил проверку оружия. К своему возмущению, я обнаружил один пулемёт *Брен* и три винтовки, которые были недостаточно вычищенными. Я вывел виновных перед взводом и сказал им без обиняков: «Вы не в Англии. Враг здесь на расстоянии выстрела. Если он атакует сейчас, а ваше оружие будет не в порядке, вы рискуете не только собой, вы ставите под удар своих товарищей!» Одному из новичков я сказал: «Я всегда ношу с собой *Брен*. Он у меня за спиной. Возьми его, разбери и внимательно осмотри. Когда он это сделал, я спросил: «Нашёл что-нибудь, что не так?» Он ответил: «Нет. Он безупречно чистый.» Я закончил речь так: «Сегодня я дважды ходил в Кассино, и оружие должно быть именно таким: готовым к бою. Вам будет трудно оставаться сухими, но вы научитесь держать оружие сухим и чистым всегда. Здесь не отправляют на гауптвахту за грязное оружие — из-за это отсюда уносят на носилках!» После этого, по крайней мере с этой группой, проблем с оружием у меня почти не было.

В городе в последнее время было довольно тихо, так что, думаю, кто-то в штабе решил «оживить обстановку». Как бы там ни было, именно нас выбрали для патруля. А поскольку у нас было три новых капрала без боевого опыта, решили, что лучше всего мне пойти вместе с ними. В последнее время было много активности вокруг Замковой Горы, так что это и была наша цель: осмотреться. Мы были на окраине Кассино, когда начался артиллерийский налёт. Казалось, что все орудия в округе нацелены именно на нас. Огонь вели миномёты и 88-миллиметровки, и взрывы ложились всё ближе. Двух ребят впереди меня взрывом подкинуло в воздух, а меня ударной волной отбросило назад в огромную воронку от снаряда, в которой было воды по колено. Передо мной пробежала большая коричневая крыса — я аж вздрогнул. Я попытался подняться, но поскользнулся в грязи. Начал выбираться на четвереньках. Добравшись до края, я осторожно выглянул и нос к носу столкнулся с немцем. Мы оба опешили. Я чуть сполз назад, а немец выпрямился. Я не мог в него выстрелить: дульная часть моего *Брена* была сплошным комком грязи. Если бы я попытался нажать на курок, пулемёт бы разорвало. Немец вдруг перехватил винтовку по-другому. Я понял почему: его винтовка была искривлена и сломана. Он собирался убить меня прикладом. Когда он замахнулся, я каким-то образом увернулся, схватился за винтовку, и началась борьба, словно перетягивание каната. Вдруг он перестал тянуть, и я поднял глаза: у него была только половина лица. Там, где должны были быть нос и подбородок, было сплошное кровавое месиво, кровь била струёй. И тут раздался крик: «Ты что, всю ночь там стоять будешь, сержант? Я хочу вернуться и выпить чаю!» Это был Дэппер (Dapper), один из *старичков*, с которым я познакомился ещё в Клэктоне/Clacton. Он увидел, что происходит, и дал несколько очередей из своего *Томпсона/Thompson*, убил немца и спас мне жизнь. Больше об этом никогда не говорили. Из десяти человек, вышедших в тот патруль, обратно вернулись только пятеро. Капрал Уайэтт получил несколько осколков в спину и зад, и теперь он только и делал что стонал, что теперь не может сидеть. Он был выведен из строя, по крайней мере, на несколько недель. Мы все почувствовали себя лучше после горячего чая и появившихся откуда-то бутербродов с сосиской. На следующий день мы сменили *Хэмпширцев*.

Очень неприятное чувство появлялось где-то внизу живота, когда ты слышал, как по другую сторону холма проходят танки, и никто не знал, не появятся ли они вдруг прямо перед тобой. С танками мы еще как-то могли справиться. Но чего мы не переносили — так это вражеских огнемётов. Они были хуже всего из того, чего я боялся. Они могли выбрасывать струю огня на 200 ярдов. Горящая жидкость была похожа на густое желе, и, если тебя задевало даже немного — она прилипала и обжигала просто адски.

Во время затишья майор пришёл к нам и сказал, чтобы мы вынесли всех раненых, кого сможем. До затишья был сильный миномётный обстрел, и много ребят лежали там ранеными. Санитары ушли, но ещё не вернулись, так что работа досталась нам. Ребята притащили одного раненого. Он был в ужасном состоянии, и когда его положили на носилки, он умер. Его карманы были набиты вещами, снятыми с трупов: кольцами, часами,

немецкими медалями и всякой всячиной. Когда-то такой человек вызвал бы отвращение, но теперь мы не чувствовали этого. Он был просто курьезным случаем. Он был мёртв. Эти трупы, [которые он обчистил], были не его рук делом – это было наших рук дело. Это день был для меня черным. Одним из раненых, которых принесли, оказался Дэппер — человек, с которым я служил ещё с первых дней в Клэктоне-он-Си/Clacton-on-see, солдат, который всего два дня назад спас мне жизнь. Он умирал очень быстро. Он звал мать и плакал, а я держал его за руку, пытаюсь утешить, но он ушёл в небытие. Больше ему уже не о чем было беспокоиться. Много лет спустя, когда я снова приехал в Кассино, я увидел его могилу. Я увидел её случайно — среди многих тысяч могил именно могилу Даппера. Он был необычным человеком и одним из тех, о ком спустя многие годы я часто думаю. Я их пор помню лица и некоторые имена...

Новозеландские солдаты среди временных могил своих боевых товарищей...

Третье сражение начали планировать почти сразу же, как только «те, кто наверху», решили, что последняя атака на Кассино провалилась. В это время немецкие атаки на [плацдарм Анцио](#)/Anzio достигли своего пика, но их удалось остановить. На этот раз новозеландцы должны были атаковать «бутылочное горлышко» города, а 4-я Британская и 4-я Индийская дивизии должны были штурмовать крутые склоны Монастырской Горы. Атаке должна была предшествовать такая бомбардировка, какой прежде никогда не предпринимали в истории боёв на передовой. Полное уничтожение оборонительных позиций противника должны были выполнить тяжёлые бомбардировщики. Кассино официально объявили очищенным от гражданского населения (хотя это было не так) и теперь классифицировали, как укреплённый городок площадью примерно в полмили на полмили. В течение четырёх часов перед тем, как туда войдут пехота и танки, его собирались превращать в пыль. Почему-то штабисты так и не поняли, что это не сработало в прошлый раз: ведь немцы всё ещё оставались внутри.

[Генерал Александер](#) (Harold Alexander) сказал, что это эксперимент и что Лондон и Вашингтон будут изучать результаты с прицелом на будущие операции в Европе. Операцию называли *Dickens*, а кодовым словом сделали *Bradman* в честь [знаменитого австралийского] крикетиста [Дон Брэдмэна](#).

Пока мы все ждали в открытой долине — мокрые, замёрзшие и на взводе — небеса снова разверзлись. Накануне атаки лило весь день, потом весь следующий день и так далее ... Дождь шёл каждый день в течение трёх недель. Операцию *Dickens* всё время переносили. Каждое утро передавали пароль: «Брэдмэн сегодня не выходит отбивать», и мы ждали, когда наконец скажут: «Брэдмэн выходит отбивать», что означало бы: атака начинается. Все эти три недели ожидания противник продолжал обстрелы, которые ежедневно наносили нам потери. За это время новозеландцы потеряли 363 человека, индийцы и британцы — примерно столько же.

Наступил март, и по прогнозу обещали немного сухой погоды. Ночью передовые пехотные подразделения медленно отошли назад к рубежу, который считался линией безопасности. Несколько групп из *самоубийц* оставили на позициях — они время от времени стреляли, чтобы создавалось впечатление, будто всё осталось по-прежнему.

Ровно в 08.30 над городом появилась первая *Летающая Крепость (B-17)*. Над городом стали один за другим пониматься столбы чёрного дыма. Снова и снова мы наблюдали, как взрываются бомбы. Сначала была слабая, вялая зенитная стрельба, а потом всё стихло. Одна авиационная группа сбросила бомбы на деревню Венафру/Venafu в пятнадцати милях отсюда. Позже мы узнали, что там погибло 140 мирных жителей. Одна бомба попала в марокканский госпиталь — погибло ещё 40 человек. Ещё около 40 человек было потеряно на артиллерийских позициях союзников, кроме того, бомбы накрыли штаб 8-й Армии. По счастливой случайности, всё высшее начальство там отсутствовало. Ротный сержант-майор процитировал [герцога Веллингтона](#) (Wellington), вспомнив слова, которые он произнес после смотра своих войск: «Не знаю, какое впечатление они произведут на врага, но меня они пугают до смерти». Эта фраза превосходно охарактеризовала этот налёт.

Пока продолжалась бомбардировка, 7-я Бригада из состава Индийской Дивизии всё ещё оставалась застрявшей на гряде Змеиная Голова. Они не могли спуститься, и никто не мог подняться к ним. У них не было ни еды, ни боеприпасов, и, находясь под постоянным снайперским огнём, они не могли выбраться из укрытий, чтобы убрать погибших после предыдущего боя. Из-за этого воздух вокруг их позиций стал почти невыносимым.

Мы все завидовали экипажам британских бомбардировщиков, которые прилетели из Англии, сбросили бомбы, затем перелетели через Средиземное море в северную Африку дозаправиться, а потом отправились обратно на базы в Англию. Если их не сбивали по дороге, они успевали домой к позднему чаю и в сухую постель. В полдень бомбёжка прекратилась, и новозеландцы первыми двинулись в Кассино по дороге: танки впереди, пехота следом. Перед ними ложился *ползущий огневой вал*, и именно за ним шли *киви*.

К 13.00 стало настолько темно, что у нас остался единственный способ двигаться вперёд — держаться за ножны штыка человека впереди. Дождь к этому времени превратился в настоящий ливень, заполняя воронки и превращая их в маленькие озёра, а между завалами образовывалась грязная, вонючая каша. Наши сапоги, носки и форма промокли насквозь. Мне приходилось постоянно ходить вдоль отделений, чтобы убедиться, что они ещё на месте. Для половины людей это был первый настоящий бой, и, будучи мокрыми до нитки, они были не в восторге. Нам бы хоть немного сухой погоды, чтобы поднять настроение. Город, когда мы в него вошли, был кошмарным зрелищем. Дорог и троп не осталось — ничего, что можно было бы узнать. Только горы камня, кое-где торчащие стены и повсюду воронки, из которых приходилось выбираться на карачках. Если ты соскальзывал в такую воронку со всем снаряжением, ты даже мог утонуть. Все наши схемы и абрисы, сделанные до бомбёжки, теперь стали бесполезными. Противник занял позиции на развалинах отеля *Continental Plaza*, на площади, которую называли *Baron's Place*, и также на развалинах отеля *De Roses*. Мы обнаружили, что наши радиостанции работают плохо, потому что их постоянно окунали в воду и вытаскивали обратно.

Но была и хорошая новость. Ранее мы заметили движущиеся фигуры и выяснили, что это полк гуркхов, который продолжал двигаться вперед даже во время бомбёжки: они прошли через немецкие позиции и сумели пробиться к индийцам, которые были изолированы наверху. Наша цель снова была та же — железнодорожная станция. Я участвовал в атаках на нее там столько раз, что она стала мне как старый знакомый.

Теперь был пятничный день. Сражение началось в среду. Сегодня справа от нас был Эссекский/Essex полк, а слева — новозеландцы. Пробираясь через завалы, мы увидели, как из-за стены показался немецкий патруль. Капрал Райт (Wright) открыл огонь одновременно со мной. Трое упали, остальные залегли в укрытии. Лейтенант Янг крикнул: «Гранаты! Кидайте их туда!» Один или двое парней бросили гранаты в сторону немцев. Нам повезло: на этом с остатками [вражеского] патруля было покончено. Мы подошли и внимательно их осмотрели. Для некоторых ребят это был первый раз, когда они видели немцев так близко. Обычно они видели их только в 50-100 ярдах через прицел винтовки. Проверив знаки различия, мы выяснили, что это были солдаты 1-го Парашютного Полка — одного из элитных формирований Гитлера. Ребят это приободрило: приятно было думать, что они снова вышли победителями в схватке с отборными войсками.

Именно в это время *джерри* решили сами перейти в атаку. Они вышли из укрытий и стали спускаться с Монастырского холма. От первого крутого серпантина, где было достаточно укрытий, примерно с батальон немцев побежал вниз по склону, а танки на дороге выше них открыли прикрывающий огонь. Но до станции они не добрались: с нашей стороны по ним открыли сокрушительный огонь сразу три части, их поддержали новозеландские танки. Атака захлебнулась. Остатки откатились обратно к позиции на повороте серпантина, оставив много убитых. Позже они попробовали еще раз и снова были отброшены. Один раненый немец сказал, что в первой атаке они потеряли около 200 человек. Они не знали, что наши части здесь настолько сильны. Новозеландцы заняли станцию, а мы отошли назад к отелю *Continental* (не знаю, почему мы называли его так - настоящее его название было *Excelsior*). Мы закрепились там. Кто-то принёс нам чай и бутерброды с тушёнкой. Мы уже удерживали большую часть города: Замковую Горю и, на данный момент, железнодорожную станцию.

На следующее утро одна рота попала под огонь из старого здания, которое, как считалось, было у нас в руках. Полковой сержант-майор сказал: «Прикройте меня, я пойду посмотрю, что там и как.» Он пробрался прямо к зданию и, используя свой отработанный на плацу командный голос, начал корректировать огонь. Через некоторое время из здания вышла горстка немцев и сдалась ему. Он поговорил с пленными, как это умеют делать старшие подофицеры: пригрозил им, они что-то прокричали своим товарищам — так, чтобы слышали все вокруг, кто наблюдал. Мы были поражены, когда увидели, как из здания вышло ещё около сорока человек с поднятыми руками и сдались ему. Среди них были и итальянцы: хотя Италия официально капитулировала перед союзниками, некоторые из них всё ещё воевали вместе с немцами.

Тем, кто находился в городе, было легче, чем тем, кто закрепился на высотах: там они могли получить еду и боеприпасы только в перерывах между обстрелами и при подходящей погоде. В конце концов гуркхов и индийцев пришлось вывести с Виселичного Холма: их невозможно было снабжать, а их численность постоянно уменьшалась. Это сделали под прикрытием новозеландцев. Сразу после 20.00 восемь офицеров и 177 солдат (из четырёхсот, которые поднялись туда семь дней назад) спустились с горы между двумя стенами артиллерийского огня. Когда они прошли, за ними вниз спустились и новозеландцы. Я никогда не видел людей, которые выглядели бы настолько измождёнными, хотя те, кто был там, отмечали их удивительную бодрость. Нужно сказать добрые слова о гуркхах, которые провели 7–8 ночей на Виселичном Холме — открытом скальном выступе, на участке примерно 200 ярдов на 200 ярдов. Они жили в неглубоких окопах, вырытых прямо в воронках, или за плохими каменными брустверами, которые индийцы называли *сангарами*. Они шли налегке: боеприпасы были важнее всего, шинели они оставили... Ледяной ветер, ливни, ночная температура значительно ниже нуля и

единственный источник воды — воронка, наполненная дождевой водой. Когда она закончилась, они нашли колодец в разрушенном доме, который помог им некоторое время, но, когда уровень воды упал примерно до четырёх футов, на дне они обнаружили мёртвого мула. Хуже всего было с едой. Они выживали на американских К-рационах - маленьких аварийных сухпайках, рассчитанных на один приём пищи одним человеком, что позволяло продержаться день-другой. Лучшее из того, что доставалось гуркхам, — это две порции на четырёх человек на сутки.

Британские солдаты позируют фотографу на оборонительной позиции, представленной сангарами. 16 марта 1944 года

Для меня самым трогательным зрелищем на этих горах, заваленных трупами, осталось гуркхское кладбище. Могилы казались слишком маленькими — гуркхи сами по себе были парнями невысокими. У одного конца могилы всегда стояли ботинки, у другого — каска. Ряды маленьких ботинок всегда производили на меня впечатление, будто это детское кладбище.

Воскресный день после полудня стал концом третьего сражения за Кассино. Немецкая 1-я Воздушно-десантная Дивизия снова взяла вверх.

Одной из самых больших проблем в битве за Кассино был раненые. Обычно на войне действует принцип быстрой эвакуации: раненых подбирают парни с носилками и тащат их к батальонному врачу, который оказывает минимальную помощь и отправляет их дальше — на передовой перевязочный пункт. Оттуда их отправляют на пункт сортировки раненых, похожий на госпиталь. На этом этапе уже можно делать операции. Затем — санитарная машина, поезд, а иногда и самолёт (если случай тяжёлый) — в общий тыловой госпиталь. Но под Кассино эта система не работала по двум причинам: первая — время, требовавшееся на первый этап эвакуации, вторая — ужасные ранения, которые люди получали на участках со скальным грунтом: снаряды и мины разрывались на камнях, и осколки наносили страшные повреждения. Раненых в горах приходилось тащить вниз по труднопроходимым горным тропам почти две мили. Единственный способ ускорить это был следующим - создать цепочку постов носильщиков каждые двести ярдов до самой долины. Перенос раненых занимал несколько часов из-за невероятной сложности спуска и

задержек, вызванных постоянным беспокоящим огнём немецкой артиллерии и миномётов. Затем следовала перевозка на мулах ещё в течение пяти часов до полевого перевязочного пункта. Носилки постоянно приходилось ставить на землю или наклонять: носильщики и мулы спотыкались и скользили. Ночью температура обычно была значительно ниже нуля, и всё происходило под дождём или снегом. Вдобавок носильщиков и мулов часто накрывало вражеским огнём. Многие раненые не выдерживали этот путь и умирали, поэтому прямо у переднего края начали создавать полевые хирургические группы. Их размещали либо в палатках, либо в оборудованных грузовиках с полноценными операционными возможностями, включая переливание крови. Иными словами, из-за того, что на доставку раненых в госпиталь требовалось столько времени, госпиталь «принесли» к людям. Мы так и не узнали, кому в голову пришла эта идея и кто воплотил её в жизнь, но она спасла очень многих.

Мулы, перевозящие раненых. Сентябрь 1943 года

Из-за большого количества ранений головы и глаз также создали передовой специализированный пункт по травмам головы и глаз, где было больше специалистов, чем обычно. Постепенно возникло нечто похожее на то, о чём я слышал от отца, рассказывавшего о Первой Мировой. Сражение за Кассино во многом напоминало траншейную войну 1914–1918 годов из-за близости противников.

Ограничения на дневное передвижение постепенно привели к практике открытой эвакуации раненых днём под флагом Красного Креста. Официально это не было оформлено, но так делали. Обе стороны уважали эти флаги. Иногда в горах мы находились всего в 100 ярдах от врага. Носильщики обеих сторон иногда выходили днём на нейтральную землю, чтобы подобрать раненых, и порой даже переговаривались. Так было под Кассино. Это было поле боя, где неделями нельзя было убрать или похоронить мёртвых. Однажды я видел, как гуркх-носильщик девять или десять раз выходил один, чтобы вынести или перевязать раненого. Позже я видел, как этого человека положили рядом с британским офицером. Оба были мертвы - один наступил на мину, которая убила их обоих. Когда гуркхи были изолированы на Виселичном Холме, их офицер-медик три раза днём поднимался по склону горы Кассино с группой санитаров, чтобы вынести раненых в свой медпункт в

долине. Каждый раз его останавливал немецкий пост, их отводили в ближайший штаб, а затем разрешали продолжить.

На гряде Змеиная Голова люди из Полка Королевских Сассексцев/Royal Sussex Regiment спасли многих раненых под флагом Красного Креста. Они также начали систематически очищать район от большого количества трупов, которые к тому времени лежали повсюду. Каждую ночь они отправляли вниз несколько трупов на спинах мулов, которые поднимали наверх еду, воду и боеприпасы. В городе, где противоборствующие находились почти вплотную друг к другу, флаг с Красным Крестом чтили обе стороны.

Новая атака была уже на подходе. Тогда мы ещё не знали, что это будет четвёртая и последняя битва за Кассино. Штабисты на этот раз приложили значительно больше усилий, чем ранее. Передвижений войск было много, но всё делалось только ночью. Если перемещалась бронетанковая часть, она оставляла позади макеты танков и машин. Артиллерию подвозили скрытно и пока не вводили в бой. Чтобы обеспечить запланированную переправу через Рапидо, многие дороги отремонтировали или улучшили, проложили много новых. Всё это делали ночью, а перед тем как на рассвете покинуть участки работ, новые дороги тщательно маскировали хворостом или другими материалами.

Ещё четыре дивизии [Французского Экспедиционного Корпуса](#) сосредоточились на небольшом плацдарме у реки Гарильяно, а две канадские дивизии скрытно разместились в долине реки Лири. Солнечная погода держалась уже довольно долго. Долины начинали зеленеть, но вокруг Кассино и монастыря не было деревьев — только сотни пней. По всей линии фронта нарастало напряжение. Пока ты сидел в укрытии (по ночам мы работали), у тебя была возможность немного отдохнуть. Большую часть времени ты думал о том, как поведёшь себя в грядущей рубке. Не покинет ли тебя удача? До сих пор мне везло. Из тех, кто высадился со мной в Таранто, кроме Билла Райтсона (Bill Wrightson) из моего взвода, оставался только Хэрри Эбба (Harry Abba) — теперь он был сержантом в Роте А. Остальные либо были ранены и оказались где-то ещё, либо были убиты и оказались на кладбище неподалеку.

В 23.00 [11 мая] артиллерия разорвала ночную тишину на куски. Позже я узнал, что было задействовано 1 600 орудий. Если оглянуться назад, холмы казались мерцающей линией. Впереди долины и овраги эхом отражали грохот разрывов: в воздухе стояли непрерывный грохот и визг снарядов, пролетающих над головой. Мы были рады, что не оказались на той стороне, куда всё это падало. Дым был повсюду. Разные командиры приказывали ставить дымовые завесы, не согласовывая друг с другом. В результате дыма стало столько, что никто ничего не видел. Мы переправились через реку вместе с индийцами и создали нечто вроде плацдарма. Нас прижали к земле, и мы держались буквально на честном слове. Враг постоянно атаковал, и нам нужна была поддержка. И тут, к изумлению солдат, к берегу реки позади нас медленно подъехал танк, неся на себе мост *Bailey/Бейли*. За ним шёл второй танк, передней частью сцепленный с концом моста. Первый танк вошёл в реку и медленно дошёл до середины, после чего затонул — экипаж покинул машину. Тогда второй танк медленно протолкнул мост на наш берег, где его быстро закрепили. Канадские танкисты и инженеры проделали колоссальную работу: через считанные минуты по мосту уже шли танки и били по вражеским позициям. Мы закрепились на плацдарме.

Пока всё это происходило, поляки начали пробираться между глыб через заросли, прокладывая себе путь вперед по земле, усеянной трупами, оставшимися после прошлых боев. Пулемёты, будто выросшие из-под камней, косили их как кегли. Но они просто продолжали идти вперед. Рукопашный бой — и наконец они достигли своей цели. Но к рассвету от них осталась лишь горстка людей, и когда солнце поднялось, враг начал уничтожать их одного за другим, потому что укрытий почти не было. Им невозможно было прислать подкрепления и необходимые припасы. Они были одни. Приказ на отход они получили только поздно днём. Они сделали очень большое дело ценой огромных потерь,

но дали британцам, индийцам и французам то дополнительное время, которое позволило выполнить поставленную перед ними задачу...

Плацдарм за Рапидо постепенно расширялся. Идея была продолжить наступление, окружить Кассино, атаковать день и ночь, смириться с тем, что твои потери тяжелее, чем у врага, пока у него не останется сил, чтобы держать оборону дальше. В 10.30 утра 18 мая польский отряд прошёл по склону от Пункта 593 и занял то, что осталось от аббатства. Немцы ушли ночью, в темноте, они сумели ускользнуть. Они оставили после себя нескольких тяжелораненых и двух подростков из *Гитлерюгенда*, которых эсэсовцы прибили гвоздями к большим дверям, которые ещё стояли. Это был урок от СС за то, что эти ребята «недостаточно хорошо дрались». Им было примерно 14 или 15 лет, и оба были мертвы.

Вдруг всё это перестало иметь значение. Кассино стало просто названием на карте. Внизу, в долине, вся мощь 5-й и 8-й армий непрерывным потоком шла по мосту (которых теперь на самом деле было несколько), переправляясь через реку Рапидо. Так продолжалось день за днем. Передовые части уже вышли к следующей линии обороны, называвшейся *Линия Гитлера*, но там их задерживали обширные минные поля и цепочки ДОТов, а укрепления уходили в глубину примерно на 1 000 ярдов.

6 июня союзники высадились в Нормандии, и события в Италии исчезли из новостей на первой полосе. Пока мы собирали тела наших погибших товарищей и в целом приходили в себя, мне пришлось съездить в штаб батальона. Полковник Хант, наш командир, попросил, чтобы я явился к нему. Командир батальона спросил, не хочу ли я пойти в

офицерскую школу (Officer Command Training Unit), поскольку меня рекомендовали. Он сказал, что считает, будто у меня есть «офицерские качества — какие бы они ни были». Я вежливо отказался и сказал: «Я бы предпочёл остаться в строю и оставаться со своим взводом.»

Пока я ходил и искал обратный транспорт, я встретил военного корреспондента, которого видел раньше. Помню, его звали Кристофер Бакли (Christopher Buckley, 1905-1950, на фото слева, погиб в Корее) На этот раз я спросил, куда он отправляет свои материалы, и он ответил, что в *Reuters*. Мы пили чай, когда один американец крикнул ему: «Сегодня вечером будет концерт!

Приходи и приводи своего друга!» Я спросил сержант-майора, можно ли мне пойти, и он сказал, что пойдёт со мной. Разговаривая с корреспондентом, я узнал, что наш сержант-майор был одним из тех людей, кто трижды забрасывался в оккупированную Европу — и каждый раз возвращался. Вот это человек! Мы пошли по дороге к большой открытой площадке. Дождь снова лил как из ведра. Там сидели несколько сотен янки, устроившись на своих касках и уставившись на сцену из двух грузовиков, у которых опустили борта. Сверху была натянута какая-то крыша. Играла музыка — не знаю, живая или запись. Выступали три певицы, которых звали *Andrews Sisters*/[Сёстры Эндрюс](#), затем вышел комик, но юмор у него был не такой, как у нас.

Сёстры Эндрюс – фотография времен ВМВ

Потом появился главный номер программы — [Al Jolson](#) (Эл Джолсон). Я слышал о нём от отца: этот парень когда-то снялся в первом звуковом фильме. Спел две песни, он сказал: «Вы сидите под дождём, чтобы послушать, как я пою, так что я присоединюсь к вам!» Он вышел из-под навеса, встал под дождём и спросил: «Что вы хотите, чтобы я спел?» И он пел примерно час, а потом все встали и аплодировали ему. Это было первое и единственное шоу, которое я видел в Италии.

Эл Джолсон выступает перед солдатами

Когда я вернулся в часть, там был ещё один новый офицер. Наш командир взвода, лейтенант Янг, получил кусочек металла в глаз и отбыл, чтобы его удалили. Нового офицера звали Стрэнг (Strang), он был с Мальты. Ему дали прозвище [Мальтийский Сокол/Maltese Falcon](#), но, разумеется, в лицо его так не называли.

Нас вывели с передовой и дали новую задачу. Это был армейский способ дать нам передышку. Район Кассино и долины Лири был в Италии известен прочными фашистскими традициями. Нам приказали изъять все фашистские книги из публичных библиотек и свалить их в кучу на городской площади или в другом подобном месте. Кто-нибудь, кто говорил по-итальянски, должен был объяснить местным жителям, что власть Муссолини никогда не вернётся. Теперь у них будет демократический образ жизни, они смогут выбирать себе правительство и так далее. Когда речь заканчивалась, один из наших выходил вперёд с огнемётом и поджигал всё это. Местный мэр благодарил нас — и на этом всё. Все это проходило очень хорошо. Мы сделали так более чем в 25 разных местах, пока не добрались до города Казерта/Caserta. Ранее в Казерте находился штаб союзников, но чуть южнее города в прошлом был лагерь военнопленных, где держали британцев и поляков - пленных, захваченных в северной Африке и перевезённых в Италию. Итальянцы плохо обращались с ними: заставляли работать долгие часы и кормили картофельными очистками и остатками еды, годными только на выброс. Потом, когда Италия сменила сторону, условия улучшились, но это не забыли. Одного или двоих из тех, кто отвечал за лагерь, в итоге сослали по обвинению в военных преступлениях. Мы провели в этом городе обычную процедуру: сложили книги в кучу, произнесли речи, и человек с огнемётом сделал «выстрел». Но на этот раз костер не вспыхнул, и он дал вторую струю. Вторая вспыхнула нормально — но отскочила от верхушки кучи и упала прямо среди местных итальянских важных персон. Местные обвинили нас, что мы сделали это нарочно, но это действительно была случайность.

Когда я снова приехал в этот город в 2007 году, он оказался единственным из тех, в котором ворота военного кладбища были закрыты: сделано это было из-за актов вандализма над памятниками... Судя по документам, когда *Хэмпширцы* наткнулись на этот лагерь, некоторых офицеров, управлявших лагерем, арестовали и заставили работать так же, как работали наши ребята, и на той же еде. Но когда в город прибыло высшее командование, им придали статус военнопленных и стали обращаться с ними согласно [Женевской конвенции](#).

Теперь, когда в Европе открылся Второй Фронт, начальство решило, что нужно вывести большую часть сухопутных войск из Италии. 5-я Армия должна была вывести семь своих лучших дивизий: три американские и четыре французские. Снова войска в Италии лишали полной победы. Это было неважной наградой для тех, кто воевал здесь. После долгой смертельной схватки за Кассино и наступления, которое генерал Александер так блестяще довёл до конца, Вашингтон решил ослабить силы, преследующие противника в Италии. [Итальянская кампания](#) снова становилась второстепенной... Для простого солдата Кассино осталось не более чем символом победы человеческого духа и памятником ужасам войны.

Что касается нашего батальона, нас перебросили западнее Шоссе №6, и мы двинулись на север, занимаясь зачисткой. Большая часть тяжёлых боёв шла восточнее — двадцать четыре дня боёв... Мы продолжили свой путь и в итоге оказались в Милане, где получили новый приказ — покинуть Италию.

Батальон 1/2Сомерсетской Легкой Пехоты был перебросен в Грецию в ноябре 1944 года, где и закончил войну.

Источники

<https://montecassinossociety.co.uk/wp-content/uploads/2024/03/Edward-Carr.pdf>

<https://warfarehistorynetwork.com/article/the-ss-john-harveys-mustard-gas-disaster/>

<https://www.italystarassociation.org.uk/history/how-i-became-a-d-day-dodger/>

Перевод – Владимир Крупник с применением ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org